

Галина Романова

Второй подарок судьбы

Часть сборника
Crime story № 5 (сборник)

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова
Второй подарок судьбы

«ЭКСМО»

Романова Г. В.

Второй подарок судьбы / Г. В. Романова — «Эксмо»,
— (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-699-24691-5

«Она ненавидела запах хвои. И не столько самой хвои, сколько запах свежеспиленного дерева. Ее мутило всякий раз и выворачивало, стоило зайти в лифт с кем-то, кто держал в руках новогоднюю ель. Приходилось отворачиваться и закрывать варежкой нос, чтобы пряный сочный запах мохнатой хвои и сочащегося смолой древесного спила не будоражил воспоминания...»

ISBN 978-5-699-24691-5

© Романова Г. В.

© Эксмо

Галина Романова

Второй подарок судьбы

Она ненавидела запах хвои. И не столько самой хвои, сколько запах свежеспиленного дерева. Ее мучило всякий раз и выворачивало, стоило зайти в лифт с кем-то, кто держал в руках новогоднюю ель. Приходилось отворачиваться и закрывать варежкой нос, чтобы пряный сочный запах мохнатой хвои и сочащегося смолой древесного спила не будоражил воспоминания.

Когда же она перестала любить самый дорогой свой праздник? Тогда, когда за праздничным столом она осталась в полном одиночестве и выла под бой курантов, комкая край нарядной скатерти? Или как раз в тот неожиданный момент, когда ударил ей в нос этот самый запах свежеспиленного дерева, пришло отвращение? Точно и не скажешь. Все смешалось, наслонилось друг на друга, и отделить теперь одно ощущение от другого вряд ли возможно. Да и не хочется, если честно, опять больно очень будет.

Раньше, когда живы были папа, мама и ее любимый муж Ванечка, она обожала Новый год. Они начинали готовиться к празднику за месяц. Да что там за месяц! Сразу после ноябрьских праздников и начинали готовиться. Составлялось праздничное меню, над обсуждением которого все домашние ломали голову, дополняя, вычеркивая, советуя. Потом потихоньку покупались продукты. Сначала жестяными банками обрастали кухонные полки, потом – вакуумными упаковками, а чем ближе к самому празднику, то уже и мясо приобреталось, непременно гусь, а однажды даже был куплен молочный поросенок. И еще, конечно, мандарины. Покупали их они ведрами, и никогда не бывало много. Забивали ими все до единой вазы для фруктов. Громадный стеклянный куб в гостиной, служивший столом для газет, переворачивался на попа и набивался мандаринами под завязку. И пахло в доме так чудесно, так празднично: мандаринами, пирогами, жареным по исключительным специальным рецептам мясом, зеленым луком и свежими огурцами. И хвоей, конечно же, тоже пахло, и нравилось это тогда, очень нравилось.

Они с Ванечкой вместе наряжали мохнатую красавицу, оспаривая друг у друга место для каждой сосульки, каждого шарика и мишуры. И она тогда подолгу держала в руках каждую еловую лапу, втягивая в себя запах незыблемого праздничного удовольствия, оно же ведь именно так пахло-то. А потом...

Потом был краткий репортаж в новостях с бегло струившимися по экрану фамилиями погибших в авиакатастрофе. Потом буквы бежать по экрану перестали, сменившись тремя телефонными номерами, по которым необходимо было позвонить родственникам погибших для каких-то там нелепых уточнений. Что можно было уточнить, если погибли все! Все до единого, включая экипаж!!!

И все! На этом все и закончилось. Закончилось ее счастье, безмятежное ожидание дня грядущего, закончилось ожидание самого любимого из самых милых праздников. Она больше не наряжала елку, не закупала продукты, не составляла меню и почти ничего не готовила к праздничному столу. Зачем?! Для кого?! Друзья и родственники усиленно зазывали ее ежегодно в канун тридцатого декабря. Пытались растормошить, взбудоражить, заставить очнуться, она отказывалась.

– Я привыкла Новый год встречать дома.

Она несколько не лукавила, отвечая на приглашение отказом. Это было так. Каждый раз, из года в год – только дома. Только в родных стенах, с родными людьми. Она привыкла...

От прежних привычек мало что осталось. Только вот мандарины она по-прежнему покупала. Не так много, как раньше, но покупала, по той же самой привычке переворачивая стеклянный куб.

– Здравствуйте, Настя.

Из двери соседней квартиры вышел небритый, никогда не улыбающийся мужик, сунул в карман зимней куртки с меховым капюшоном пачку сигарет, похлопал себя по карманам, словно искал что-то, но вдруг опомнился, повернулся к ней и буркнул:

– С наступающим вас праздником.

– Здравствуйте. Спасибо. Вас также, – ответила она тихо, совсем не помня, как зовут нового жильца.

Знала, что они переехали с полгода назад, может, чуть больше. Знала еще, что скандалили с женой постоянно. Слышимость в их доме была исключительная, стена их спальни соседствовала со стеной спальни Насти. Хочешь не хочешь, а узнаешь, как ненавидит она похотливого козла, а он видеть не может безмозглую стерву.

Еще у них был сын, подросток. Машина, кажется, какая-то имелась, потому что сосед постоянно крутил на пальце ключи. А вот как зовут его...

Нет, она не знала или не помнила, черт его знает. Жену вроде бы Леной звали. Он часто называл ее по имени. Сына – точно знала, что Тимур. А вот самого хозяина ей не представили. Неудобно как-то получалось. Он ее всегда – Настя, Настя, а она...

– Послушайте, извините меня, пожалуйста. Вы не скажете, как вас зовут? Как-то неудобно, вы мое имя знаете, а я ваше – нет... Может, вы и представлялись когда-то, а я забыла. Извините.

Панкратов уже успел опустить ногу на одну ступеньку, решив, что не поедет сегодня лифтом, а пойдет пешком. Ему требовалось немного привести себя в чувство после очередных откровений любезной сердцу супруги, начитанных ему полчаса назад по телефону. Досчитать до сотни или до тысячи, к примеру, лишь бы перестать сжимать кулаки в карманах и перестать ненавидеть мать своего сына так люто, так остро, что все чаще хотелось ее удавить.

Девушка из соседней квартиры совершенно неожиданно окликнула его. Обычно рот ее едва размыкался для скупого приветствия. И смотреть-то на него она почти не смотрела, а все больше – мимо. А тут вдруг имя его ей понадобилось. Позабыла, говорит! А он и не представлялся ей никогда. А ее имя он узнал из сводок. Просто как-то с перепугу или от безделья сделал запрос на свою соседку и получил скупую казенную информацию, от которой у него моментально взмокла спина. Он тут же и неприязненную отчужденность ей сумел простить, и то, что однажды она захлопнула дверь у него перед носом, отказав в кружке сахара.

Настя похоронила всю свою семью! Вернее, то, что осталось фрагментарно от ее родных, то, что смогли собрать, что уцелело в той жуткой катастрофе. Мать, отца, мужа, с которым не успела дожить до трехлетнего юбилея их свадьбы. Она осталась совершенно одна. Ни с кем из соседей, как он потом узнал из бестолковой болтовни своей жены, она не общалась. На субботники во двор выходила регулярно, но, отмахав положенное время метлой, уходила, так и не обмолвившись ни с кем ни словом.

– Гордечка хренова! – фыркала Лена, успев за полгода окружить себя целой толпой сплетниц, полирующих задницами дворовые скамейки. – Много о себе понимает! Ей бы судьбу свою устраивать, мужика себе найти, дите родить, а она от всего мира отгородиться хочет. Так и останется одна, годы идут, а глянуть-то особо не на что!

Здесь супруга Панкратова привирала безбожно. Настя была очень симпатичной, очень. Среднего роста, светловолосая, с пронзительными черными глазами, тонкой талией и такой потрясающей попкой, что...

Короче, Панкратов очень долго и очень честно пытался оставаться безучастным.

Ну, живет по соседству с ним – из двери в дверь – девушка, и что? Ну, одинокая, ну, симпатичная, ладненькая, и что дальше-то?! Зайти порой к ней хочется, да? Хочется позвонить в ее дверь, обходя свою стороной, и переступить порог? Ну а дальше-то что? Что?!

Дальше ничего у Панкратова не выходило. Ничего романтического, красивого, испепеляющего и обжигающего изнутри вырисовываться не хотелось.

Настя оттолкнет его, в лучшем случае. В худшем – закричит или даже ударит. И плевать ей наверняка на его нежность, от которой его начинало трясти, как подростка. Ладони становились липкими, когда он стоял позади нее в лифте или возле дверей на лестничной клетке. Плевать на то, что он часами не мог заснуть, высверливая воспаленными от темноты глазами в общей стене их спален дырки. И уж, конечно, она совсем не была обеспокоена тем, что он вот уже как три месяца не может спать со своей Ленкой из-за нее.

Ей плевать на него, на его чувства, на то, что его брак, как подбитый корабль, стремительно идет ко дну, и ему просто необходимо сейчас что-то изменить в своей жизни, что-то нужно предпринять, срочно, чтобы выжить, или хотя бы начать пытаться. А как без нее? Без нее-то не получится.

– Меня зовут Сергей, Настя. Панкратов Сергей. – Он вернулся, встал с ней рядом и протянул руку – идиот – как боевому товарищу. И снова повторил: – Сергей...

– Очень приятно. – она раздумывала минуты три, прежде чем решилась снять варежку и вложить свою ладонь в его пальцы. – А я Настя.

– Мне тоже очень приятно. Вы... Вы как поживаете, Настя?

Еще раз идиот! Панкратов едва не застонал вслух от своей косноязычной тупости. Ничего умнее не придумал, как о ее житье-бытье спрашивать?! Знает ведь все доподлинно: работа – дом, дом – работа, магазины и редкие визиты к родственникам. Больше ничего в ее жизни нет. Нет места чему-то еще. Какого, интересно, ответа он ждал?

А ответ неожиданно его сразил.

– Я... Я очень плохо поживаю, Сергей. – Ее ресницы часто-часто затрепетали, пытаясь проморгать застаревшее горе. – Очень! Новый год скоро, а я... Я ненавижу его теперь! Такая непроходимая глухая тоска... Господи, что я несу?! Простите, мне пора...

Она выдернула свою ладонь из его пальцев, повернулась к нему спиной, быстро вставила ключ в замочную скважину, открыла дверь и вошла в свою квартиру.

Настя почему-то замешкалась и дверь не толкнула ногой, чтобы та захлопнулась. Она же всегда так делала: заходила и, прежде чем пристроить пакет с сумкой на столике под зеркалом, пинала дверь ногой. А сегодня не стала. А когда повернулась, успев стянуть с головы шапку вместе с резинкой для волос, он уже вошел. Вошел, закрыл за собой дверь и стоял теперь, привалившись к ней спиной.

– Сергей? Вы... Вы что тут делаете? – Она растерялась, начав растягивать резинку для волос в подрагивающих пальцах. – Вы вошли без приглашения, вам не кажется?

– Кажется, – согласился он покорно. – Но еще мне кажется, что я его никогда не дождусь.

– В смысле?!

– В смысле: приглашения не дождусь. А мне бы этого очень хотелось. Вы, Настя... Вы удивительно хрупкий и ранимый человек, я очень боюсь вас обидеть, напугать и... Можно, я все-таки произнесу то, что хочу сейчас сказать? Не хочу мямлить, как герой из мелодрамы, который всегда замолкает в самом неподходящем месте, оставив все самое главное и нужное недосказанным. Можно, я вам все скажу?

Что ей делать с ним? Она не испугалась, нет. Не в лесу же! Не разбойник вооруженный напротив, бояться особенно было нечего, но...

Но она почти знала, что он скажет. Почти догадывалась. Последние две недели отчетливо слышала из-за стенки, как орал он своей жене, что не любит ее, не хочет так больше жить, что так невыносимо и нужно что-то менять и он готов.

– Я не готова, – произнесла она вслух, покачав головой. – Сергей, я... Я думаю, что я не готова услышать от вас что-то такое... Вы можете ошибаться, а мне... Мне во второй раз просто не пережить каких бы то ни было потерь, я...

– Вам нужно попытаться просто жить, понимаете! Просто начать жить, Настя! Я все последние месяцы думаю постоянно о вас. Вернее, ни о ком другом я просто не думаю, только о вас. Мне очень трудно сейчас. Очень!

– Вам не кажется, что роман с соседкой отдает пошлостью?

Его нужно выгнать! Нужно обойти его слева. Открыть замок и выставить его вон, пока его жена не вернулась с работы. Пока не застучала его, выходящего из ее квартиры. И не устроила один из своих безобразных скандалов, на которые она была мастерица. Нужно все это сделать, чтобы прекратить эту непристойность. И чтобы этот небритый неулыбчивый мужик перестал смотреть на нее так, что сводит коленки. И замолчал бы наконец, перестав нести вздор о каких-то там неожиданно вспыхнувших чувствах.

– Господи, Сергей, какая любовь?! О чем вы говорите?! – Она отвела от него взгляд с одной лишь целью – не уступать ему, удержаться. – У вас семья, сын. Как вы представляете себе наши отношения? Вы станете шастать ко мне, когда их нет дома? Станете прислушиваться к звукам поднимающегося лифта, прежде чем выйти из моей квартиры? Станете в глазок обследовать лестничную клетку, прежде чем открыть дверь? Это гадко!

– Да, гадко. Но я не так хочу.

Панкратова скрутила такая непроходимая тоска, что хоть бейся головой о ее металлическую дверь. Она думает о нем как о мерзавце. Он для нее – обнаглевший самец, и только. Обнаглевший, небритый, уставший от дома и семьи самец, которому вдруг взбрело в голову завести интрижку со своей симпатичной соседкой.

– Я хочу, чтобы все было не так. По-другому хочу, Настя.

– Как?

– Я уйду от нее.

– Ко мне?! Но позвольте!.. Я имя-то ваше узнала десять минут назад, а вы такие вещи мне говорите! Уходите! Уходите, Сергей.

И она обошла-таки его слева. И замок начала открывать, хотя разволновалась и пальцы чуть подрагивали.

Нужно, нужно, нужно срочно выставить его из квартиры. Пускай уходит на все четыре стороны! К жене, к сыну, к своим домашним тапкам и любимому, продавленному его задом креслу. Пускай оставит ее в покое! В том самом гнетущем, опустошившем за минувшие годы душу и мысли покое. В покое, заставившем ее позабыть, что она – женщина!

Черт бы все побрал на свете! Все не желающие долететь до земли самолеты!!! Все погубленные чужие жизни!!! Все потухшие судьбы, оставшиеся существовать на земле! Все обеты никчемной верности! Верности меркнувшим призракам. Все те праздники, которые умоляешь обернуться скорым сновидением, чтобы они не тянулись так долго!

– Настя... – Его руки легли ей на плечи, и Сергей потянул ее на себя, подальше от двери и не поддающегося ее пальцам замка. – Настя, не надо...

Как же быстро!

Она совершенно успела позабыть за минувшие после катастрофы годы, какими сноровистыми и умелыми могут быть мужские руки. Как незаметно они могут расстегнуть зимнюю куртку и швырнуть ее куда-то к ногам. И как пальцы обжигают кожу, она тоже позабыла. И губы – какими они могут быть настырными, а щетина – совсем не грубой. Она все позабыла, все! И только теперь поняла, как скучала без всего этого. Как ей не хватало именно этого безумного натиска, этих пустых слов, выдыхаемых судорожно сведенным ртом. С неузнаваемой, не свойственной ей ненасытностью она хватала его за плечи, бедра, стягивала с него растянутый мешком свитер. Бесстыдно дергала за ремень на джинсах и стаскивала их с него, опустившись перед ним на колени. Жадно захватывала его губы своим обезумевшим алчным ртом и что-то тоже шептала, шептала, шептала ему в ответ. Что-то, во что неумолимо верилось...

– Настя, – Панкратов накрыл ее губы ладонью, когда она, оттолкнувшись от стены, попыталась что-то сказать. – Ты только ничего сейчас не говори, хорошо?

Она пожала плечами, оглядываясь. Свалка из их вещей в прихожей получилась внушительная. Как они успели так стремительно раздеться, ума не приложить! Словно ураганом сорвало с них джинсы, свитера и ботинки. Как вихрем!

Ничего не говорить...

А что она может ему сейчас сказать? И что ответить, если он ее о чем-то спросит? Да ничего! Все произошло слишком стремительно, слишком, чтобы это могло поддаваться каким бы то ни было обсуждениям и анализам. Да и стоит ли? Он сейчас оденется. Осторожно выглянет из-за двери и уйдет. Он ведь куда-то собирался, когда она окликнула его. Может быть, даже встречать свою жену с работы. Вот и пойдет доделывать то, от чего его так некстати оторвала выбившаяся из-под контроля страсть женщины, живущей по соседству.

Штаны он застегивал, повернувшись к ней спиной. Долго чертыхался, пытаясь застегнуть ремень, шнуровал зимние ботинки тоже с неудовольствием на лице. Настя одеваться не стала. Продолжала стоять голой посреди прихожей и смотреть на него со смесью вины и сожаления.

– Не смей на меня так смотреть! – вдруг рявкнул он, хватая ее за спину и привлекая к себе. – Не смей сожалеть! Не смей считать себя виноватой в чем-то! Никто... Запомни! Никто и ни в чем не виноват! А ты... – Он потерся заросшей щекой о ее плечо, провел губами по выпирающей косточке ключицы. – Ты потрясающая! Я просто обожаю тебя, Настя! Просто обожаю!!!

И он ушел. Ушел, свободно распахнув ее дверь, совсем позабыв припасть к дверному глазку и обезопасить пути своего ухода. И лифт он совсем не слушал, а она-то придумала... А потом и вовсе! Вышел на лестничную клетку, двинулся к ступенькам, потом вдруг остановился, что-то вспомнив. Снова похлопал, как и давеча, себя по карманам куртки. Не нашел. Поднял глаза на нее, указал на ее голое плечо, выглядывающее из-за двери, и погрозил пальцем:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.